

**You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Ocenocnaa harakteristika politiceskogo sopernika sredstvami ukazatel'nyh mestoimenij : (na materiale russkogo i pol'skogo azykov)

Author: Macej Val'cak

Citation style: Val'cak Macej. (2015). Ocenocnaa harakteristika politiceskogo sopernika sredstvami ukazatel'nyh mestoimenij : (na materiale russkogo i pol'skogo azykov). W: A. Charciarek, P. Czerwiński (red.), "Oblicza przeciwnika : język a rzeczywistość w kategoriach ekspresji, polityki, ideologii " (S. 129-148). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Мачей Вальчак

Оценочная характеристика политического соперника средствами указательных местоимений (на материале русского и польского языков)

Соперник, конкурент, противник, недруг, соревнователь, оппонент, антагонист, поединщик, враг¹, przeciwnik, rywal, konkurent, współzawodnik, antagonist, wróg, adversarz, oponent — все эти лексемы обладают негативно оценочным значением и всегда подразумевают наличие как минимум двух субъектов, чьи мнения, взгляды, свойства и качества противоположны. Названные единицы, как правило, связаны с определенным ситуативным контекстом, самой действительностью, влияющей на этот же контекст, и вытекающими из него различными видами воздействия — попытками навязать что-либо, подчинить что-либо, уничтожить, убедить в чем-либо,

¹ О проблематике образа врага в советской (и не только) пропаганде, а также политическом дискурсе см., в частности, работы (со ссылками на литературу при них): Л. Гудков: *Образ врага*. Ред. Н. Конрадова. Москва 2005; П. Червинский: *Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц*. Томск 2011; Т.Г. Ашуркова: *О месте слов, формирующих образ врага в русской языковой картине мира советского и постсоветского периода*. В: *Концепты и русское языковое сознание*. http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sec06.pdf (10.03.2013); И.Б. Гасанов: *Национальные стереотипы и «образ врага»*. Москва 1994; U. WIECZOREK: *O dychotomicznym widzeniu świata, czyli o zwalczaniu wroga za pomocą słów*. „Język Polski” 1994, nr 74, z. 4—5, s. 268—277; J. BRALCZYK: *O języku polskiej polityki lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych*. Warszawa 2003; А. ДАБРОВСКА: *Językowy obraz przeciwnika politycznego*. W: „Język a Kultura”. Т. 4: *Funkcje Języka i wypowiedzi*. Red. J. BARTMIŃSKI, R. GRZEGORCZYKOWA. Wrocław 1991, s. 115—148 и др.

победить, одолеть и пр., т.е. тем, что нередко характеризуется понятием манипуляции. Очевидно, что разными бывают ситуации, равно как и обуславливаемые ими средства воздействия одного субъекта на другого, в том числе языковые. Словесные методы манипуляции подразумевают не только прямое языковое воздействие на соперника, но и связываются с созданием соответствующего образа оппонента, в котором отражается отношение к конкуренту. Использование самих лексем типа *противник*, *враг*, *соперник*; *przeciwnik*, *wróg*, *rywal* и т.п. (даже вне языкового и ситуативного контекста) непосредственно и эксплицитно выражает негативное отношение, будучи, как представляется, проекцией очень древнего семиотического принципа членения действительности на два мира — «свой» и «чужой»² (чужой = враждебный, неприязненный). Однако зачастую в подобной функции употребляются те лексические единицы, которые, сами по себе не обладая каким-либо оценочным значением, приобретают его под действием контекста или ситуации. К подобным контекстуально оценочным единицам, заряженным эмоциональным (положительным или негативным) потенциалом, можно отнести также личные и указательные местоимения, реализующие отмеченный принцип дуализации действительности: «мы» — «они», «этот» — «тот»³. Функции подобного рода эмоционально нагруженных местоимений в польском языке были объектом рассмотрения Г. Конечной⁴.

Знакомство с работами по вопросам местоимений и их функций в широко понимаемом политическом дискурсе позволяет заметить особенный интерес исследователей к личным местоимениям. Данная проблема получила многостороннее представление у ряда авторов⁵. Вопрос указательных местоимений в аспекте языкового дейксиса рассматривался довольно редко, скорее дополнительно и окказионально при изучении других явлений

² Е.В. РЕЗНИКОВА: *Личные местоимения в политическом дискурсе*. «Ярославский педагогический вестник» 2012, № 1. Т. 1 (*Гуманитарные науки*), с. 180, http://vestnik.yspu.org/releases/2012_1g/40.pdf [10.03.2013].

³ Там же.

⁴ Н. KONECZNA: *O roli uczuciowej tzw. zaimków konwencjonalnych*. „Poradnik Językowy” 1948, z. 1, s. 8—12.

⁵ И. ИНЬИГО-МОРА: *Выбор местоимений в политических интервью*. Пер. Е.Е. АНИКИНА. В: «Политическая лингвистика» 2009, № 2(28), http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling28/ling_28_02.pdf [26.02.2013]; ЕЕ ЖЕ: *On the use of the personal pronoun we in communities*. „Journal of Language and Politics” 2004, No. 93, s. 27—52; P. BULL, A. FETZER: *Who are we and who are you? The strategic use of forms of address in political interviews*. „Text and Talk” 2006, No. 26, s. 3—37; К. АКЮ: *English Generic we, you, and they: An Analysis in Terms of Territory of Information*. „Journal of Pragmatics” 2001, s. 1111—1124; Е.Н. ВАСИЛЕНКО: *Об употреблении местоимений первого лица в политическом дискурсе*. В: *Идеи. Поиски. Решения*. <http://elbib.bsu.by/handle/123456789/21401> [26.02.2013]; П. ЧЕРВИНСКИЙ: *Грамматика местоименности в „Крестовых сестрах” А. Ремизова: текстовые значения и структуры*. W: *Gramatyka a tekst*. Red. H. FONTAŃSKI, J. LUBOCHA-KRUGLIK. Katowice 2007, s. 160—170.

в области политического дискурса⁶. Затронутая нами проблематика в сопоставительном русско-польском ракурсе до сих пор вообще не ставилась. При этом следует отметить, что тематика указательных местоимений была подробно разработана в теоретическом аспекте с точки зрения их функций, семантико-прагматических особенностей, нормативности и употреблений в тексте. Предлагаемое исследование не имеет целью разрабатывать какие-либо новые теоретические вопросы в области указательных и притяжательных местоимений. Оно, прежде всего, направлено на практическое применение уже разработанных и принятых классификаций и функций данных частей речи. При этом следует отметить, что теоретическую базу проводимого анализа составили в первую очередь работы Г. Фонтаньско-го⁷, В. Мёдунки⁸, К. Писарковой⁹, Й. Мендельской¹⁰, Н.Ю. Шведовой¹¹, М.И. Алехиной¹², Ю.Д. Апресяна¹³, А.А. Кибрика¹⁴, Е.В. Падучевой¹⁵ и С.Н. Курбаковой¹⁶.

Обращение к проблематике местоимений в языке политики и их функций при создании образа политического соперника было продиктовано стремлением увидеть их основные семантические проявления в данном языковом аспекте, выявить частотность, стилистические особенности и на этом основании представить их сопоставительную, русско-польскую, характеристику. Интересно отметить, что исследования, проведенные польскими лингвистами, позволили отметить разную распространенность указательных местоимений в зависимости от общественно-профессиональной

⁶ См. А.С. КАЛАШОВА: *Лингвопрагматические особенности референции через дейксис в политическом дискурсе (на примере публичных выступлений Ф. Кастро)*. «Вестник МГОУ. Серия Лингвистика» 2013, № 5, с. 6—13.

⁷ H. FONTAŃSKI: *Anaforyczne przymiotniki wskazujące w języku polskim i rosyjskim. Problem użycia*. Katowice 1986.

⁸ W. MIODUNKA: *Funkcje zaimków w grupach nominalnych współczesnej polszczyzny mówionej*. Warszawa—Kraków 1974.

⁹ K. PISARKOWA: *Funkcje składniowe polskich zaimków odmiennych*. Wrocław 1969.

¹⁰ J. MĘDELSKA: *Zaimek w polsko-rosyjskiej konfrontacji przekładowej*. Bydgoszcz 1992.

¹¹ Н.Ю. ШВЕДОВА: *Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства*. Москва 1996.

¹² М.И. АЛЕХИНА: *О классификации местоимений*. «Русский язык в школе» 1982, № 1, с. 63—68.

¹³ Ю.Д. АПРЕСЯН: *Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира*. В: *Семиотика и информатика*. Вып. 28. Москва 1986, с. 5—33.

¹⁴ А.А. КИБРИК: *Об анафоре, дейксисе и их соотношении*. В: *Разработка и применение лингвистических процессоров*. Новосибирск 1983, с. 107—130.

¹⁵ E.V. PADUCHEVA: *Wyowiedź i jej odniesienie do rzeczywistości*. Przeł. Z. KOZŁOWSKA. Warszawa 1992.

¹⁶ С.Н. КУРБАКОВА: *Дейктические знаки в речевой коммуникации*. В: *Сборник научных трудов «Юбилейный»*. Москва 2006, с. 50—59.

принадлежности пользователей языка. Как отмечает В. Мёдунка¹⁷, гуманитарии в своей речи используют в два-три раза больше местоимений, чем представители точных наук. Согласно наблюдениям данного исследователя, употребление местоимений наиболее характерно для научных текстов, а также для живой разговорной устной речи. Местоименные формы наименее употребительны в научно-популярной прозе, в нормативно-дидактическом стиле. В связи с отмеченной высокой частотностью местоимений в устной речи в качестве исследовательского материала нами были выбраны устные высказывания политиков, зафиксированные либо на интернет-сайтах, либо прозвучавшие в телевизионных передачах.

Уже поверхностный анализ собранного материала позволяет заметить высокую частотность местоименных выражений в политическом дискурсе. Данная особенность может следовать не только из устного характера высказываний, но и из самих коммуникативно-прагматических и семантических свойств местоимений, предоставляющих говорящему возможность создавать соответствующий образ политического конкурента. Естественно, мы отдаем себе отчет в том, что толкование и выявление верного смысла высказывания, зафиксированного в письменной форме, а не услышанного в момент его произнесения, рождает некую опасность неточной или даже ложной интерпретации, ибо смысл высказывания зачастую определяют контекст и интонационная характеристика. Поэтому для анализа мы старались выбирать те единицы, интерпретация которых не вызывала бы сомнений.

Прежде чем перейти к исследованию, стоит также обратить внимание на отношение политического дискурса к стилистическим разновидностям языка. Как представляется, нет оснований считать его строго официальным в виду имеющихся в нем как элементов разговорности, так и элементов «профессионального» жаргона¹⁸. Точная стилевая характеристика языка политики довольно сложна, если вообще возможна, в силу целого ряда факторов: личностной индивидуальности каждого политика, уровня его образования, а также вследствие применения им различных риторических средств, что нередко влечет за собой смешение стилей. Кроме того, проводимое нами исследование скорее ориентировано на анализ высказываний выбранных политиков. Это, в свою очередь, не дает оснований делать верные выводы и обобщения по отношению к языку политики в целом.

Следует также отметить, что при анализе собранного материала пришлось столкнуться с заметной асимметричностью между польским и русским языками. Данное несовпадение вызвано спецификой русского

¹⁷ W. MIODUNKA: *Funkcje zaimków w grupach nominalnych...*, s. 89.

¹⁸ М. Карась в одной из работ использует определение «*партийный жаргон*» (*gwara partyjna*). См. М. KARAŚ: *Kilka uwag o polskiej gwarze partyjnej przed pierwszą wojną światową*. „Język Polski” 1951, nr 31, z. 1, s. 15—23.

политического дискурса, в котором не принято напрямую высказываться (особенно в негативно-оценочном тоне) о других участниках общественно-политической жизни. По этой причине не представлялось возможным сопоставить интересующие нас части речи в сходном русско-польском текстовом окружении. В связи с этим задача была сведена к тому, чтобы присмотреться к семантическим и синтаксическим функциям русских указательных и некоторых притяжательных местоимений, проявившимся в высказываниях политиков, независимо от того, обнаруживаются ли в них оценочные элементы по отношению к политическому сопернику. Отмеченная асимметрия, возможно, связана с общественно-историческими процессами. Речь идет о традиции так называемой парламентской политической культуры, наличие и существование которой для Польши исторически следовало бы признать более длительным, чем для России. В польской культуре прочно закрепились представления о далеко не редком непритязательно-грубом вмешательстве шляхты (*warcholstwo*, *pieniactwo*) в работу сейма на основании правила «свободного вето» (*liberum veto*). Дворянское критиканство, необоснованные упреки по отношению к королям становились даже темой литературных произведений:

*Przecież muszę wymówić, wybaczyć, że nie pieszczę —
Powiem więc bez ogródek: oto młodyś jeszcze.
Pięknież to, gdy na tronie sędziwość się mieści;
Tyś nań wstąpił mający lat tylko trzydzieści,
Bez siwizny, bez zmarszczków: zakał to nie lada.
Wszak siwizna zwyczajnie talenta posiada,
[...]
Młodość, czerstwość i rzeźkość pięknież to przywary,
Przecież są przywarami. Aleś się poprawił:
Już cię tron z naszej łaski siwizny nabawił.
Poczekaj tylko, jeśli zstarzeć ci się damy,
Jak cię tylko w zgrzybiałym wieku oglądamy,
Będziem krzyczeć na starych, dlatego żeś stary.
To już trzy, com ci w oczy wyrzucił, przywary.
A czwarta jaka będzie, miłościwy panie?
O sposobie rządzenia niedobre masz zdanie¹⁹.*

Представление функций местоимений в определениях политического соперника было подчинено их частотности в собранном нами материале. Поскольку местоимение *to* оказалось в нем наиболее частотным, остано-

¹⁹ I. KRASICKI: *Do króla*. W: Ignacy Krasicki. *Satyry. Listy*. Wirtualna Biblioteka Literatury Polskiej. <http://www.zste.myslenice.pl/biblioteka/lektury/Satyry.pdf> [22.02.2014], s. 3—5.

вмесь на анализе именно его функций и проявлений. Меньшей распространенностью характеризуются местоимения *swój, taki*. Отметим, что, помимо основной проблематики, т.е. оценочной функции местоимений, мы стремились также выявить и охарактеризовать другие функции местоимений, проявившиеся в материале (функция артикля, частицы, субстантивная). Наибольшей частотностью в польских контекстах характеризуется местоимение *to* в функции местоименного подлежащего в высказываниях с оценочным значением.

Эту функцию у данного местоимения отмечает К. Писарек²⁰. Рассматривая синтаксические функции местоимений на примере телефонных разговоров, она приходит к выводу, что такое употребление в количественном отношении ограничено. В собранном нами материале *to* в функции предикативного центра предложения отмечается высокой частотностью, особенно при характеристике лиц. Польские предложения, строящиеся по модели

$$V(C_{pers}) \rightarrow N_n \text{ to } (V_f) N_n,$$

предполагают факультативность глагольного компонента в формах настоящего времени²¹. В польском материале при этом явно преобладают высказывания без глагольной формы:

- (1) *Największy przegrany to Janusz Palikot.*
- (2) *Nelli Rokita to postać kabaretowa.*
- (3) *Ryszard Kalisz to porno-minister.*
- (4) *To człowiek inteligentny, ale cyniczny, nastawiony na robienie kariery.*
- (5) *Chorzy na AIDS to przede wszystkim zboczeńcy i narkomani.*
- (6) *Uważam, że PO to twór sztuczny i pełen hipokryzji.*
- (7) *Wykreśla [Lech Kaczyński — M.B.] z listy znajomych Władysława Bartoszewskiego, kompromituje Polskę za granicą, wdaje się w awanturę o kartofla. To prezydent, który otacza się ludźmi biorącymi grube pieniądze z budżetu państwa.*
- (8) *Sama historia walki z komunizmem w wydaniu Jarosława Kaczyńskiego to karykatura.*
- (9) *Nie chcę i nie dopuszczę do tego, żeby Polskę rządili ludzie, którzy [...] uważają, że Polacy to naród aferzystów i złodziei. Polacy to naród dumny i mający prawo do bycia dumnym z własnej ojczyzny.*

²⁰ K. PISARKOWA: *Funkcje składniowe polskich zaimków odmiennych...*, s. 42.

²¹ Cp.: M. GROCHOWSKI, S. KAROLAK, Z. TOPOLIŃSKA: *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Red. Z. TOPOLIŃSKA. Warszawa 1984, s. 146.

Отдельного комментария требуют примеры (4) и (7). Как представляется, местоимение *to* выполняет в них не только предикативную функцию, но и анафорическую, относясь к объекту речи — министру М. Каминьскому (4) и президенту Л. Качиньскому (7). Предложения (1), (2), (3), (5), (6), (8), как представляется, можно рассматривать как своего рода «лозунги-изъявления», в которых местоимение на основании связи соположения приобретает предикативную силу, становясь заменителем составного именного сказуемого, напр.:

- (10) *Największy przegrany to Janusz Palikot vs Największym przegranym jest Janusz Palikot.*
 (11) *Nelli Rokita to postać kabaretowa vs Nelli Rokita jest postacią kabaretową.*

Использование данного местоимения в предикативной функции может обуславливаться несколькими причинами: стремлением говорящего придать высказыванию большую коммуникативность, точность; желанием сократить высказывание при сохранении максимальной его информативности; большей категоричностью и безапелляционностью утверждения. Кроме того, отказ от глагольных форм позволяет упростить грамматическую и синтаксическую структуру самого предложения по типу N_1 — *to* N_{N1} , вместо более сложной N_1 — V_{fs} — $N_{2Instr.sg.}$. Сравнение приведенных высказываний позволяет прийти к заключению о том, что при определении политических конкурентов безразличным может быть также порядок членов предложения. Сопоставим примеры:

- (11) *Nelli Rokita to postać kabaretowa.*
 (3) *Ryszard Kalisz to porno-minister.*
 (6) *Uważam, że PO to twór sztuczny i pelen hipokryzji.*
 vs
 (1) *Największy przegrany to Janusz Palikot.*

В первых трех предложениях смысловой акцент падает на объект характеристики, его идентификацию, в то время как в последнем (1) — на предикативный признак определяемого объекта. В последнем примере к тому же чувствуется коммуникативно-информативный перевес в пользу первой части высказывания, передающей общее представление (*przegrany*), предполагающее некоторое число подобных объектов (*największy przegrany* — проиграли многие, но он потерпел наибольшее поражение). Таким образом, высказывание содержит индивидуализацию определяемого объекта, выделяя его из ряда подобных. Интересно также отметить, что в рассматриваемом случае допустима перестановка членов предложения без нарушения его логической структуры:

Największy przegrany to Janusz Palikot vs Janusz Palikot to największy przegrany.

В других приведенных примерах такая замена оказывается невозможной и нарушает смысл:

*Nelli Rokita to postać kabaretowa vs * Postać kabaretowa to Nelli Rokita.*
*Ryszard Kalisz to porno-minister vs * Porno-minister to Ryszard Kalisz.*

Отмеченные нарушения поверхностной структуры, возможно, следуют из глубинной, которая в случае (2), (3), (6) предполагает значение не столько индивидуализации как выделения из ряда подобных, сколько конкретизации, уточнения. Члены *postać kabaretowa*, *porno-minister* оказываются второстепенными, контекстуально зависимыми и дополнительными по отношению к семантически определяющим *Nelli Rokita*, *Ryszard Kalisz*, а по объему значения более узкими и конкретными, чем приведенное в (1) *największy przegrany*. Характеризуемые явления могут также следовать из генерической обусловленности приведенных предложений²² (1—9). Уточним, что под этим термином, употребляемым в польском языкознании, подразумевается определенный тип предложений, заключающих общие, универсальные суждения о явлениях и объектах действительности, их характерных свойствах и признаках.

Употребление местоимения *to* в функции подлежащего с целью сократить и упростить высказывание зачастую встречается в предложениях с большой эмоциональной нагрузкой, что усиливает их категоричность и резкость:

- (12) *Plugawe i obrzydliwe! To zbydłecenie jakieś.*
 (13) *To₁ o nocniku to₂ obrzydliwe, ordynarne sformułowanie, niegodne posła.*
 [...] *Reszta to₃ pokrętnie kombinacje największego stratega naszych czasów.*

Как представляется, во втором высказывании *to₁* выступает в двойственной функции: не только подлежащего, но и в значении *deixis am phantasma*, т.е. как ссылка на какое-то ранее высказанное сообщение, открывая, тем самым, позицию для *to₂* в функции предиката. В такой же функции выступает *to₃*. Впрочем, и вне политического дискурса такие употребления данного местоимения встречаются при восклицательных обращениях, выражаю-

²² Ср. М. PIASECKI: *Koncepcja obiektowego modelu znaczenia polskiej frazy nominalnej*. W: „Postscriptum”, nr 27—29, Kwartalnik Szkoły Języka i Kultury Polskiej. Katowice 1999, s. 89—102.

щих эмоциональные состояния, напр., негодование: *To skandal, panowie!*, *To wstrętne!*; недоумение: *To niemożliwe!*, *To chyba jakaś pomyłka!* Более редкими следовало бы признать предложения, в которых для характеристики объекта, помимо местоименного сказуемого, используются дополнительные местоименные средства:

(14) *Donald Tusk to taki „funny boy”, chłopak na posyłki dla Putina i Europy.*

В приведенной цитате следует обратить внимание на использование местоименного прилагательного *taki*, которое может выполнять две, в зависимости от интерпретации, противоположные функции: 1) уточнения характеристики объекта²³ через введение понятия (*taki „funny boy”*), далее характеризуемого и уточняемого в предложении (*chłopak na posyłki dla Putina i Europy*); 2) приблизительной характеристики, предполагающей сопоставительное значение ‘что-то наподобие, как будто, что-то вроде, близкий к кому-то, чему-то, напоминающий что-то, кого-то’. Данный оттенок значения можно почувствовать более явно, если сравнить разбираемую цитату и ее вариант без местоименного прилагательного:

(15) *Donald Tusk to (Ø) „funny boy”, chłopak na posyłki dla Putina i Europy.*

В приводимой модификации характеристика представляется более очевидной, выражая точное и однозначное представление говорящего об объекте. Небезосновательным представляется также выделение в первом варианте цитаты другой возможной функции элемента *taki*, определяемой З. Клеменсевичем как функция преситуативного указания²⁴. Необходимо при этом отметить, что данную функцию он выделяет по отношению к указательным местоимениям. Однако ее можно было бы относить и к рассматриваемому местоименному прилагательному *taki*. Суть этой функции заключается в следующем: говорящий употребляет местоименную форму (иногда повторяя ее), одновременно подыскивая в сознании более подходящее, наиболее точное и адекватное выражение. С учетом сказанного рассматриваемую функцию можно усматривать, в частности, в следующих высказываниях:

(16) *Mnie, nie ukrywam, najbardziej ostatnio zastanowiła jego nowa kreacja. [...] To znaczy ta głowa ostrzyżona. Bo to jednak wygląda dość uderza-*

²³ Подобную функцию уточнения отмечает также В. Мёдунка в своей работе *Funkcje zaimków w grupach nominalnych...*, s. 55.

²⁴ Здесь мы предлагаем перевод польского термина, предложенного З. Клеменсевичем: *Funkcja wskazowania przedstanowczego*, на которую ссылается, в частности, Г. Фонтаньски: *H. FONTAŃSKI: Anaforyczne przymiottniki wskazujące w języku polskim i rosyjskim...*, s. 19.

jąco. Mogę państwu powiedzieć, że mi to przypomina, hmm [...] takie ukraińskie obyczaje.

(17) *To był po prostu człowiek drugiej strony, jak to niektórzy nazywają — taki spioch.*

(18) *To są osoby, które poszukują w polityce takiej bijatyki, krwi, sensacji [...]*

В русском материале также можно отметить подобные употребления, хотя в целом несколько реже:

(19) *Тем более Борис Николаевич очень хорошо показывает, что он медведь — уральский такой медведь кондовый, но он же не убит еще.*

Как можно предполагать, местоименное прилагательное *такой* в словосочетании *уральский такой медведь кондовый* скорее подчеркивает сходство, уточняет, конкретизирует признак через отнесение к сравниваемому объекту.

В русском материале указательное местоимение *это* довольно частотно в предложениях номинативного типа. Если сравнивать их с синтаксической функцией в польских оценочных высказываниях, можно заметить характерную для последних вариативность. Для русских конструкций подобная вариативность не характерна, поскольку схема строения N_1 — *это* N_{N1} прежде всего свойственна для русского языка. Сопоставим хотя бы такие примеры:

(20) *Украина — это не абстрактное начальство Украины. Украина — это не нефтегазовые «бароны», которые в любом случае всегда обеспечат свои интересы, или корпоративные, или личные. Украина — это, прежде всего, братский нам украинский народ.*

В приведенной цитате видится еще одна функция характеризующих местоимений, которые могут выступать средством организации гармонического периода однотипных конструкций, особенно в устных высказываниях. При этом в приведенном русском примере местоимение *это* выступает скорее в функции связи²⁵. В организующей функции периодического построения однотипных конструкций в польском языке появляются указательные местоимения (в функции согласованного определения) в группе подлежащего:

(21) *Moim zdaniem ta uchwała przynosi nam zaszczyt. Moim zdaniem ta uchwała wreszcie wyrównuje sytuację pomiędzy nami, a innymi krajami postkomunistycznymi. [...] Moim zdaniem ta uchwała jest zgodna z prawem.*

²⁵ См.: Грамматика современного русского литературного языка. Ред. Н.Ю. ШВЕДОВА. Москва 1970, с. 553.

С точки зрения частотности не менее употребительными оказываются высказывания с местоимением **to** при материально выраженном предикате, относящиеся к лицу или предмету:

- (22) *To jest człowiek, który wnosi wiele dobrego.*
- (23) *To jest kolejna taka insynuacja tego pana.*
- (24) *To jest nieudane i nieudolne kłusownictwo polityczne.*
- (25) *To jest polityk, który byczy dużo, a mało z tego wychodzi.*

Стоит обратить внимание на предложение (23), точнее, на словосочетание *insynuacja tego pana*, в котором местоимение *ten* (*ta*, *ci*) выступает в специфической функции, назовем ее *деперсонифицирующей*. Прежде чем выяснить суть данной функции, приведем ряд подобных примеров:

- (26) *Nie będę komentował wypowiedzi tego pana.*
- (27) *Ja z tym panem nie chcę mieć nic wspólnego.*
- (28) *Ja nie wierzę w to, żeby warszawiacy chcieli mieć ponownie tą panią jako prezydenta. (J. Kaczyński)*
- (29) *Takimi sprawami można się zajmować w kategoriach psychologicznej traumy, którą ten pan, odkąd przestał być premierem, przeżywa. (J. Kaczyński)*

Отмеченная деперсонифицирующая функция местоимения *ten* / *ta* (чаще всего в сочетании со словом *pan* / *pani* или другими лексемами с общим значением, напр., *polityk*) заключается в осознанном и намеренно демонстративном отказе от употребления имени или фамилии того оппонента, о котором в данный момент идет речь. Таким образом, в приведенных высказываниях можно увидеть не только анафорическую функцию местоимения, но и вполне очевидный риторический прием. Данный прием нацелен на выражение негативного отношения, даже пренебрежения соперником, косвенно включая в себя информацию: «Ты не достоин даже того, чтобы я произносил твое имя», за которой имплицитно обычно скрывается представление говорящего о своем превосходстве над политическим конкурентом. Можно сказать, что в сочетаниях типа *ten pan*, *ta pani* содержится своеобразная табуизация персоналий соперника, подчеркивающая нежелательность каких-либо связей, отношений, контактов с ним, в том числе и на речевом уровне.

- (30) *Ale naprawdę prezydent jest w najwyższym stopniu pracowitym, a ten polityk w najwyższym stopniu niepracowitym.*

В приведенном высказывании выделенная фраза *ten polityk* относится к премьер-министру Дональду Туску.

Для русского материала подобное явление также можно считать характерным, однако в сравнении с польским по частотности оно менее представительно:

- (31) *Этот господин оседлал очень модную тему борьбы с коррупцией*
(В. Путин)

Рассматривая данную функцию, можно определить ее термином, используемым Й. Мендельской, как *пренебрежительная функция* (*funkcja lekceważąca / wyrażenia lekceważące*)²⁶. Эту функцию она приписывает выражениям типа *takie tam, różne takie, takie tam różne* и т.д. Отмечено также «субстантивное» употребление местоимения *ten* с негативно-пренебрежительным, деперсонифицирующим значением. Его смысл заключается в употреблении местоимения без наличия существительного, называющего объект референции (напр.: *pan, polityk*), полностью заменяемого местоименной формой:

- (32) *No przecież to jest naprawdę już absurd i to szkodzi mojej wierze, moim zdaniem, ja protestuję przeciwko temu, nie zgadzam się z tym. Ale z drugiej strony, no nikt mi nie powie, że politycznie **ten z Torunia** jest tak sprawny.*

В приведенном фрагменте словосочетание *ten z Torunia* подразумевает ксендза Тадеуша Рыдыка. В данном контексте *ten* приобретает явно пренебрежительно-обесценивающее значение (см. рассматривавшееся ранее значение с существительным *pan, pani, polityk*).

Нагромождение местоименных форм, особенно в польском языке, встречается в высказываниях с большой эмоциональной нагрузкой, чаще всего при отрицательной характеристике политического соперника:

- (33) *Jak śmie **ten obrzydliwy załgany hipokryta, ten obłudnik Napieralski**, mówić, że nie dali legitymacji partyjnej telewizji. A Urbański to nie jest legitymacją partyjną, a Pospieszalski i cały ten PiS-owski, lizusowski spektakl to nie jest legitymacja partyjna?*

В рассматриваемой цитате обратим внимание на еще одну функцию местоимения, которую выделяет Г. Конечна²⁷. Если принять ее положения, следовало бы признать эту функцию не указательной, а эмоционально-экспрессивной. Присутствие указательного местоимения может обуславливаться наличием экспрессивно-оценочных определений (*obrzydliwy załgany*

²⁶ J. MEDELSKA: *Zaimek w polsko-rosyjskiej konfrontacji przekładowej...*, s. 115.

²⁷ H. KONECZNA: *O roli uczuciowej tzw. zaimków konwencjonalnych...*, s. 8—12.

hipokryta, obłudnik), требующих, по мнению некоторых исследователей, местоименных определений²⁸. Добавим, что упомянутое экспрессивно-оценочное значение достигается, в частности, посредством тавтологизации, скорее всего не преднамеренной: *hipokryta = obłudnik, załgany = zakłamywany, zakłamanie = hipokryzja*. В этом явлении можно усматривать свойственную многим языкам тенденцию к повторению слова и разных его форм, а также родственных слов. Именно тавтологические сочетания представляют собой один из способов передачи высокой степени чего-либо, максимальной положительной или отрицательной оценки явлений²⁹.

Небезосновательным представляется также выделение еще одной возможной функции местоимения *ten*, так называемой артиклевой. Местоимение в этом случае сужает круг потенциальных объектов, характеризующихся говорящим, сигнализируя, что речь идет об одном, вполне определенном объекте. Повторение местоимения, как риторический прием, усиливает резкость, категоричность, придает большую экспрессивность лексемам, к которым относится³⁰. Повторяемое местоимение подчеркивает всю эмоциональную нагрузку. Для наглядности сопоставим разбираемую цитату с местоимением и без него:

- (34) *Jak śmie **ten** obrzydliwy załgany hipokryta, ten obłudnik Napieralski, mówić, że nie dali legitymacji partyjnej telewizji.*
 (35) *Jak śmie **Ø** obrzydliwy załgany hipokryta, Ø obłudnik Napieralski, mówić, że nie dali legitymacji partyjnej telewizji.*

Второй вариант, точнее, его первая часть (*Jak śmie Ø obrzydliwy załgany hipokryta*), в связи с отсутствием местоимения приобретает обобщающее значение. Кроме того, предложение без местоимения вызывает ощущение информативной недостаточности и неполноты. Как средство передачи эмоции и одновременно конкретизатор объекта (ср. с артиклевой функцией местоимений) местоимение *ten* проявляет себя также в следующих высказываниях:

²⁸ А.В. Головачёва: *Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах. В: Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках*. Москва 1979, с. 175—203.

²⁹ Здесь мы опираемся на замечания И. Дашиньской: I. DASZCZYŃSKA: *Reduplikacja jako jeden ze sposobów pierwotnej derywacji frazeologicznej*. W: *Współczesne tendencje rozwoju języków słowiańskich*. T. 2. Katowice 1997, s. 55.

³⁰ Интересные наблюдения по отношению к экспрессивной функции местоимений в историческом аспекте представлены в работе А. Рейтера: A. REJTER: *Leksyka ekspresywna w historii języka polskiego. Kulturowo-komunikacyjne konteksty potoczności*. Katowice 2006, s. 88—90.

- (36) *Jest to po prostu nikczemny dureń i **ten** nikczemny dureń nie może być ministrem polskiego rządu.*
- (37) *Nie potrafią wyartykułować zdania, że **tego** szkodnika Rydzyka, który obraził panią Kaczyńską, trzeba potępić i nazwać tak jak na to zasługuje, czyli gruboskórnym prostakiem.*

Упоминавшаяся ранее необходимость наличия местоимения при оценочных обозначениях прослеживается также при именах, называющих неодушевленные предметы:

- (38) *Ja **tę** **małpiarnię** widziałem. Kawalek **tego** **bagna** przyszedł do Polski, a cały konflikt wynika z zjadłych sporów nie wiadomo o co.*

В польском материале довольно активны сочетания указательных местоимений с определительными местоимениями, усиливающими указание, интенсифицирующими оценочность и, одновременно, принадлежность оцениваемого признака его носителю, признака, выделяющего его на фоне других, придавая одновременно значение 'свойственный кому-либо, характерный для кого-либо'. В отмеченной функции интенсификаторов чаще всего выступают притяжательные местоимения *swój, swoja, swoje*:

- (39) *Rokitowa, z **tym** **swoim** charakterystycznym wyrazem twarzy, nazwijmy to — umiarkowanie bystrym.*

В функции отмеченных интенсификаторов в сочетании с местоимением выступает нередко определительное прилагательное *cały*, чаще всего обнаруживаемое при эмоциональной окраске высказывания:

- (40) *Czy ten rząd, ta ekipa wypuści na Polaków **tego** oszalałego masarza? Nie, bo to by była śmierć. W związku z tym sądzę, że **całe to** **exposé** jest na niepoważnie.*

Довольно частотны случаи употребления местоимения *to* в анафорической функции при оценке политического конкурента. Местоимение *to* может заменять разные части предложения:

- (41) *Wydawałoby się, że z **Lechem** **Kaczyńskim** niewiele mnie łączy, ale **to** nieścisłość.*
- (42) *W Polsce jest **głowa państwa** i jest **to** Lech Kaczyński.*
- (43) *Lech Kaczyński potrzebuje kuracji, która doprowadzi jego system nerwowy do porządku. Pytanie, czy **to** **chwilowa zapaść**, nerwica czy trwale uszkodzenie, które wcześniej czy później skończy na komisji lekarskiej.*

В приведенных цитатах местоимение относится к определенным компонентам представленных предложений. В первом *to* относится к словосочетанию *z Lechem Kaczyńskim niewiele mnie łączy*, во второй — к подлежащему первого предложения, в третьей — к главному предложению *Lech Kaczyński potrzebuje kuracji*. В последнем связь осуществляется косвенно, через имплицитно подразумеваемое звено (*Lech Kaczyński potrzebuje kuracji = Lech Kaczyński jest chory*). Такое же явление наблюдается в русском языке:

- (44) *Российские женщины загнали в могилу десять миллионов мужчин. Этого Гитлер не сделал. Этого Ельцин не сделал.*

Местоимение *этого* анафорически относится ко всей синтаксической единице *женщины загнали в могилу десять миллионов мужчин*.

Довольно частотны в польском материале также своего рода «местоименные обрамления». Под этим подразумевается употребление в одном высказывании местоимения в катафорической и анафорической предикативной функциях:

- (45) *To, że Adam Michnik jest człowiekiem w istocie z tej samej formacji co SLD, to jest od wielu lat zupełnie oczywiste.*
 (46) *To, co się tam wyprawia, to „Trybuna Ludu” z 1953 r.*
 (47) *Proszę mnie nie pytać o to, jakie mam buty, bo to nieważne.*
 (48) *To radio to jeden człowiek. Zabrać tego człowieka — nie ma radia. To jest dla mnie coś zupełnie oczywistego.*

Указательные местоимения в польском материале редко встречаются в катафорической функции.

- (49) *Kamiński na pewno w żaden sposób nie zaatakuję Kościoła. Innych ideologii, którym by hołdował, u niego nie widzę. No oczywiście oprócz tej: ciągłego podlizywania się braciom Kaczyńskim.*

В отзывах политиков о В. Путине указательные местоимения в катафорической функции встречаются крайне редко. В собранном материале удалось обнаружить всего одно употребление:

- (50) *Величайшая ошибка Путина в том, что он, вольно или невольно, притормозил **этот** процесс: **процесс становления гражданского общества**. Сейчас есть надежды на возобновление этого процесса, что делает меня счастливым.*

Есть основания полагать, что употребление местоимения *to* зачастую усиливает указание на объект, в частности, при непосредственном обра-

щении к конкуренту, либо в высказывании о нем, придавая фразе значение ‘именно; как раз; никто другой, кроме как’:

- (51) *Bo wszystko co pan robi, to przepraszam bardzo, mnie to obraża, że pan niszczy godność Lecha. **To pan** ją niszczy, dołuje!*
 (52) ***To** nie jest tak, że można być naszej partii, w kierownictwie, tylko na zasadzie, że się jest chwalonym, lubianym, a ci inni **to** są be, a ja **to** jestem dobry.*

В этой функции, как представляется, можно усматривать сближение местоимения с частицей. К тому же наличие местоимения в этом случае факультативно, и его устранение не влияет на смысл высказывания:

- (53) ***Ø** nie jest tak, że można być naszej partii, w kierownictwie, tylko na zasadzie, że się jest chwalonym, lubianym, a ci inni **Ø** są be, a ja **Ø** jestem dobry.*

В польском материале в высказываниях политиков довольно частотны употребления местоимения *to* в функции соотносительных слов в сложно-подчиненном предложении. Обратимся к следующим примерам:

- (54) *Domagamy się tylko tego, by nam oddano **to**, **co** nam zabrano.*
 (55) *Ja bym bardzo prosił radia, w szczególności niemieckie, by nie prowadziły kampanii zmierzającej **do tego**, aby odwracać uwagę od ważnych spraw, a zajmować się jakimiś bzdurami, zupełnie drobnymi wydarzeniami.*
 (56) *Niespecjalnie przepadam **za tym**, **żeby** występować razem z premierem Giertychem.*
 (57) *Podjęliśmy wysiłki zmierzające **do tego**, by rząd utrzymał większość.*
 (58) *W socjalizmie nie było złe **to**, że budowano. Złe było **to**, że nie było wolności oraz to, że był to system źle zarządzany.*

В приведенных высказываниях рассматриваемое местоимение образует только одну структурную разновидность — местоименно-союзный относительный тип³¹. В случае некоторых высказываний (типа 54—56) наблюдается конструктивная необязательность местоимений в функции соотносительных слов. Однако их устранение требовало бы изменения синтаксической структуры предложения, сравним:

- (59) *Domagamy się **tylko tego**, by nam oddano **to**, **co** nam zabrano → Domagamy się tylko, aby nam oddano to, co nam zabrano → Domagamy się tylko oddania tego, co nam zabrano.*

³¹ См.: Н.С. Валгина: *Синтаксис современного русского языка*. Москва 1978, с. 320.

Необходимо отметить, что в случае компонента *by nam oddano to, co nam zabrano* устранение местоимения невозможно. Это связано с отсутствием в польском языке, в отличие от русского, субстантивированных причастий, позволяющих синтетическим образом указать на объект действия, ср.: *On powiedział ob widzianym i usłyszanym — Powiedział o tym, co zobaczył i usłyszał*. Следует также отметить, что наличие частицы *tylko* требует распространения или именем, или заменяющим его местоимением, если по отношению к сказуемому эта частица постпозитивна и логически указывает на один только объект действия (*oddanie tego, co nam zabrano*). В препозиции (*Tylko pomagamy się*) местоимение факультативно, отчасти даже излишне, поскольку относится к ограничению и конкретизации действия, а не его объекта. Таким образом, местоимение обладает возможностью субстантивировать, опредмечивать действия, процессы, состояния и качества, выступая одновременно в анафорической функции. Отмеченное явление по своей распространенности примерно равно обнаруживает себя в обоих языковых материалах. Чаше всего при этом наблюдается субстантивированность действия:

(60) *Trzeba budować dumę Polaków. Inne narody to robią.*

В рассматриваемой цитате местоимение заменяет целое словосочетание *budować dumę Polaków*. Подобное употребление встречается в высказываниях и российских политиков:

(61) *Меня спрашивали, когда я начал заниматься сексом. Не помню. А помню точно, когда это делал в последний раз.*

(62) *Te słowa zdradzają największy kłopot PO, a mianowicie to, że niczym nie różni się od PiS.*

Здесь наблюдается весьма интересное явление. Местоимение выступает в двойственной функции: 1) анафорической, относясь к представленному ранее объекту (*największy kłopot PO*); 2) катафорической и, одновременно, соотносительно-субстантивной, относясь к содержанию подчиненного предложения (*niczym nie różni się od PiS*). При распространении дополнения *największy kłopot PO* местоимение оказывается необходимым, что обусловлено невозможностью образовывать отглагольное существительное от *różnić się* — **różnienie się*, с тем, чтобы употребить его в грамматически правильной синтаксической структуре:

(63) * *Te słowa zdradzają największy kłopot PO, a mianowicie nieróżnienie się niczym od PiS.*

Проверим наши наблюдения на соответствующих русских примерах:

- (64) *Я не очень был взволнован тем, что ночевал на ранчо у Буша.*

В данном высказывании, по тем же причинам, что и в польском примере, невозможно построить синтаксически и грамматически правильное предложение:

- (65) **Я не очень был взволнован ночеванием на ранчо у Буша,*

хотя допустимо:

- (66) *Я не очень был взволнован ночлегом на ранчо у Буша.*

- (67) *Если вы хотите совсем уж стать исламским радикалом и готовы пойти на то, чтобы сделать себе обрезание, то я приглашаю вас в Москву.*

В последнем высказывании структурная необходимость наречия может следовать из сильноуправляемой глагольной формы с указанием на объект *пойти на (что?)*. Таким образом, здесь вряд ли можно говорить о замене части подчиненного предложения местоимением.

Анафорическая замена местоимением именного словосочетания прослеживается в следующем высказывании:

- (68) *Дайте мне **Дальний Восток**, через двадцать лет **это** будет лучше, чем центральная Россия.*

Обратимся к случаям, в которых местоимение оказывается для польских предложений обязательным:

- (69) *Nie jestem entuzjastą **tego**, **żeby** sobie młody człowiek siedział przed komputerem, oglądał filmiki, pornografię, pociągał z butelki z piwem i zagłasował, gdy mu przyjdzie na to ochota.*

Структурная обязательность местоимения связана здесь с наличием в подчиненном предложении непереходного глагола, относящегося к другому субъекту (*młody człowiek*), не тождественному подлежащему (*nie jestem — ja*). Одновременно с этим отсутствует возможность субстантивации передаваемого глаголом действия в силу отмеченной непереходности и, тем самым, преобразования группы сказуемого в страдательный оборот:

- (70) *Nie jestem entuzjastą **tego**, **żeby** sobie młody człowiek siedział przed komputerem → * Nie jestem entuzjastą siedzenia przez młodego człowieka przed komputerem.*

В польском языке местоимение довольно редко встречается в так называемой артиклевой (членной) функции. Отмеченную функцию можно увидеть в следующих высказываниях:

- (71) *W dzisiejszej Polsce stosuje się powszechnie goebbelsowską metodę „Kłam, kłam, a coś z tego zostanie”. Jest to zasada groźna dla demokracji, bo- wiem tam, gdzie niknie związek między słowem a rzeczywistością, tam i demokracja zaczyna działać źle.*
- (72) *Dziś bowiem, proszę państwa, jeżeli w paru słowach ująć program **tego** rządu, nie **ten** deklarowany, ale **ten**, który wynika z analizy, to będzie to pacyfikacja, petryfikacja i restauracja — PPR.*
- (73) *Jest pytanie o skutki polityki pana Cwiągalskiego, czyli skutki polityki **tego** rządu, bo to ta polityka tworzy nastrój amnestii wobec kryminalistów.*

В словосочетании *program tego rządu* у местоимения можно также увидеть дополнительный оттенок значения — временной. Тем самым, *program tego rządu* можно понимать как ‘программу правительства, осуществляющего власть в данный момент’. Такое местоимение может также указывать на прошедшее время, при условии наличия в предложении обстоятельства, однозначно представляющего явления или события прошлого:

- (74) *Wtedy sądziłem, że upadek **tego** rządu doprowadzi do destabilizacji w Polsce. Dzisiaj już bym go nie bronił. Dlaczego? Bo Olszewski okazał się później człowiekiem marnym moralnie.*

Отнесенность к прошедшему, как известно, может осуществляться и с помощью местоимения *tamten*:

- (75) *Muszę powiedzieć wprost, że oczekiwaliśmy tego już od rządu, w którym istotne miejsce zajmował pan poseł Glapiński, od rządu pana Olszewskiego. Niestety, ani **tamten** rząd, ani **ten** do tej pory takich materiałów nie przedstawił.*

Небезынтересным представляется также рассмотрение функций местоимений-прилагательных *takiej / taki*, приобретающих в политическом дискурсе отчасти анафорическое, но к тому же и обобщающее значение, с осязаемым оттенком *deixis am phantasma*. Здесь имеется в виду закреплённая за данной частью речи обобщённая отрицательная оценка политического конкурента, относящаяся к общим знаниям или представлениям о нём, известным как говорящему, так и слушающему (или широко понимаемому общественному мнению). Приведем пример:

(76) *Polska musi oszczędzać, [...] bo ma takiego premiera.*

В этой цитате раскрыть смысл местоименного прилагательного косвенно помогает предшествующий контекст. В данном контексте рассматриваемая часть речи косвенно передает отрицательную оценку, предполагающую расточительность, неэкономный образ осуществления власти, которую «мысленно» можно воспроизвести: *bo ma takiego premiera (który jest rozrzutny)*.

Артиклевую функцию местоимения *это* можно отметить и в русском языке:

(77) *Когда вы говорите про **рай** в Европе, вы забываете, что **этот рай** обеспечила русская армия, спасая вас от агрессий востока!*

В отношении приведенного примера могут возникнуть сомнения с попыткой выделить не артиклевую, а скорее анафорическую функцию у местоимения. Именно такую функцию следовало бы выделить, опираясь на замечания Р. Гжегорчик³², ссылающейся на исследования З. Тополинской. Однозначную интерпретацию в пользу анафорической функции можно усматривать в следующем примере:

(78) *Когда вы говорите про **рай** в Европе, вы забываете, что **его** обеспечила русская армия [...].*

В случае первого варианта *этот рай* указывает не только на упоминавшийся ранее объект — посредством местоимения создается значение определенности (определенной референции), что дает основания говорить об артиклевой функции. Сопоставим данный пример с английским:

(79) *There is **an apple** at the table. **The apple** is very mature / Na stole leży **jabłko**. **To jabłko (Jabłko to)** jest bardzo dojrzałe / На столе лежит **яблоко**. **Это яблоко** очень спелое.*

Мы отдаем себе отчет в том, что делать выводы на основании одних только приведенных соответствий было бы довольно преждевременным, однако имеющаяся по данной проблематике научная литература все же позволяет прийти к заключениям подобного рода³³.

³² R. GRZEGORCZYKOWA: *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*. Warszawa 2001, s. 120.

³³ См.: Р.Ф. КАСАТКИНА: *Псевдоартиклъ и предартиклъ в севернорусских говорах*. <http://www.helsinki.fi/venaja/nwruusia/eng/sbornik2008/kasatkina.pdf> [10.10.2013]; И.И. РЕВЗИН: *Некоторые средства выражения противопоставления по определённости в современном русском языке*. В: *Проблемы грамматического моделирования*. Москва 1973, с. 121—137.

Отмеченная высокая частотность указательных местоимений в политическом дискурсе обусловлена, как уже говорилось, предоставляемой ими возможностью упростить высказывание. Употребление личных местоимений, а также отсутствие указательного местоимения в предикативной функции всегда требует осложнения грамматической структуры. Обратимся к нескольким польским примерам и их модификациям:

- *To jest polityk, który bzyczy dużo, a mało z tego wychodzi* → *On jest politykiem, który bzyczy dużo, a mało z tego wychodzi*.
- *Nasi przeciwnicy to strasznie mali ludzie, marni pod każdym względem — intelektualnym i moralnym* → *Nasi przeciwnicy są strasznie małymi ludźmi, marnymi pod każdym względem — intelektualnym i moralnym*.
- *Bracia Kaczyńscy to podwójnie mali ludzie* → *Bracia Kaczyńscy są podwójnie małymi ludźmi*.

Все это ни в коей мере не следовало бы считать показателем одного только языкового убожества политиков. Употребление указательных местоимений может быть вполне намеренным приемом, направленным на обеспечение лучшего понимания, предполагая устранение более сложных грамматических построений, обеспечивающих коммуникативный успех выступлению. В цитируемых высказываниях *to* вводит также упоминавшийся ранее оттенок предметности, характеризуя не столько конкретно существующие лица, сколько обобщенные категории и типажи (*он / on* = лицо, *это / to* = предмет). Некоторые местоимения (напр., *taki*) способны выражать негативную оценку, совмещая в себе контекстуально воспроизводимую, имплицитно присутствующую информацию. Их несомненный потенциал кроется в способности придавать высказываниям большую экспрессивность, подчеркивать эмоциональную окрашенность лексем, к которым они относятся. Портреты политических соперников создаются по законам рекламы, точнее, антирекламы, неизменно требующей максимальной сжатости, краткости и коммуникативной наполненности при необходимой ясности и однозначности. Отмеченная высокая частотность местоимения *to* в предложениях номинативного характера обеспечивает именно эти задачи и требования. В этой связи интересным и перспективным виделось бы изучение языка политики в отношении структурно-функциональных типов предложений, используемых политиками при характеристике политического соперника.